

2 33
30302
Н. ДЕНИСОВ

ДНЕВНИК ОФИЦЕРА СВЯЗИ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 48

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА—1942

Н. ДЕНИСОВ

ДНЕВНИК ОФИЦЕРА
СВЯЗИ

Издательство „Правда“
Москва — 1940

Зам. отв. ред.—И. БРУХИМОВИЧ.

Издательство „Правда“

Изд. № 818

АВ1678

Заказ тип. 2017

Тираж 50.000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм. Печ. л. 1^{1/2}. Зн. в 1 п. л. 43.200 экз.

Цена 20 коп.

Подписано в печати 17/X 1942 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Сушешская, 21

Февраль. Вторник

Воздушная операция начиналась завтра. Размеченная цветными карандашами оперативная карта ясно рисовала обстановку. Скоростные бомбардировщики, поднявшись с аэродромов центра и правого фланга фронта, устремятся на железнодорожные магистрали противника, разбомбят крупный узел сопротивления. Тяжелые корабли и истребители, базируясь на левом фланге, обеспечат операцию патрулированием в воздухе и налетами на вражеские аэродромы.

Поздно ночью генерал вызвал меня на командный пункт. На левофланговом аэроузле было неблагоприятно.

— Выясните, что там стряслось. Примите меры, — приказал генерал.

...К рассвету возле штаба приземлился замаскированный под снег самолет. Подойдя к кромке крыла, знакомлюсь с летчиком.

— Щукин, — представляется молодой парень с чуть заметной рыжеватой бородкой, и деловито осведомляется: — Идем с ночевкой?

— Видимо.

— Тогда надо взять обогрев и механика.

Непредвиденная задержка! Но Щукин прав: придется садиться в поле, на разных площадках; все будем делать своими руками.

Перелегаем на базу и заруливаем под деревья. Моторист Соколов — маленького роста, подвижной, с густыми рябинками на лице — быстро загружает машину чехлами, обогревательной лампой, инструментом. Застегивая шлемы, договариваемся о наблюдении за воздухом. Мы со Щукиным берем на себя переднюю полусферу, моторист отвечает за хвост.

Взлетели. Синяя жидкость в стоечном термометре опустилась до 28-й зарубки. Иногда на очки падают снежинки. Погода в общем хороша: меньше неожиданных встреч с «хейнкелями» и «мессершмиттами».

Впереди снегопад. Смешанный с туманом снег застилает концы плоскостей. Нашу легкую машину крепко болтает, вести ее тяжело. Я вижу, как спина Щукина вздрагивает от напряжения. Только бы не потерять ориентировки! Щукин нерешительно оглядывается на меня.

«Вперед», — молча показываю рукой.

Идем еще двадцать минут — без горизонта, без неба, без земли. Наконец, под мотором возникает точка железной дороги. Узнаем ее по крутой насыпи.

В тумане промелькнула станция. Во время сего-

ства фашистов ее часто посещали наши бомбардировщики. Видны сваленные под откос вагоны, разбитые в щепы платформы, запудренный снегом хлам.

С трудом пробившись сквозь вторую волну снегопада, наощупь подходим к аэродрому. Что это? На белом поле летного поля недобрые пятна. Вероятно, расходятся серые, как зола, полосы земли. Свежие воронки от бомб. Теперь понятно, чем был озабочен генерал! Наша машина проносится мимо обгорелого, перекошенного остова бомбардировщика. Впереди еще один, второй.. Почему так близко они стояли друг к другу?

— Немцы пришли ночью, — торопливо докладывает дежурный. — Наши зенитчики сбили трех. Валяются там, за лесом..

Дежурный — молодой летчик. Видимо, он недавно пришел на фронт. От его комбинезона и мохнатых меховых краг еще пахнет складским нафталином. Доложив, он нервно отворачивается в сторону. Мне понятно его волнение: больно смотреть на исковерканные бомбами металлические громады кораблей.

— Война, лейтенант! Вчера мы тоже побывали над немецким аэродромом, сожгли пять «юнкерсов» и склад с горючим.

— Пять да три — восемь, — заметно повеселев, говорит дежурный и, козырнув, отбегает к старту: ему надо принять ~~саходящее~~ на посадку звено «мигов».

Наша машина останавливается возле землянки истребителей. Рядом с плоскостью из-под снега высунулось дуло зенитной пушки. Это — немецкое орудие. Аэродром был недавно занят фашистами. Они так спешили отсюда, что даже оставили несколько десятков тонн горючего. Хочу дозарядить машину, но Соколов, смешно помаргивая побелевшими ресницами, решительно протестует:

— У них, товарищ командир, сплошной эрзац. Еще сядем на вынужденную...

Вместе с Алексеевым быстро подсчитываем боевой состав. Вызываем инженера и торопим его со сменой моторов во второй эскадрилье. Уточняем по карте задачу на конец дня. Планом операции предусмотрено, что истребители нанесут удар немцам одновременно с двух аэродромов.

— Имейте в виду, — предупреждаю капитана, — к пятнадцати часам на поддержку придут два звена «яков». Новенькие, прямо с завода!

Алексеев воспрянул духом. Еще бы! Шесть советских «яков» стоят по крайней мере дюжины «мессеров».

Выйдя из землянки, окидываю взглядом аэродром. Прогумели моторами и ушли в сторону фронта тяжелые корабли. В кабинах дежурных истребителей настороже сидят летчики. Капитан инструктирует своего помощника. Инженер с группой техников уже готовит места для новых самолетов.

— Здесь все в порядке, Щукин! Пошли дальше! Сберегая время, взлетаем прямо от землянки, по долине. Через несколько минут с правого борта возникает город. Совсем недавно в нем еще хозяйничали фашисты. Они собирались обосноваться надолго. Даже стали издавать свою газету. Прославляя в ней столыпинскую реформу, они писали, что колхозный строй заменится «святым хуторским хозяйством». Не вышло!

Город тьмен. Обгорелые дома, разрушенные кварталы. Но как дорог сердцу рвущийся за ветром красный флажок на самой горе! Мы проходим совсем близко от него. Сняв перчатку, Щукин приветственно машет рукой.

Очередная посадка. На льду, притулившись к берегу, стоит несколько самолетов. Короткая беседа с двумя экипажами, летавшими на соседний участок фронта. Уходим на юг.

Вот и третий наш аэродром. Уже сбавив газ, замечаем крадущийся в стороне «Ю-88». Щукин отворачивает машину влево, прижимается к земле. Проскальзываем мимо и через несколько минут садимся.

— Они вас не обстреляли? — тревожно спрашивает техник.

Оказывается, немцы все время шмыгают в этом районе. Минут за десять до нашего прилета здесь побывала пара «хейнкелей». Сбросила четыре бомбы, построчила из пулеметов. Ущерба никакого.

В маленьком сарайчике, замаскированном под

стог сена, командный пункт пикирующих бомбардировщиков. Печурка, телефон, сколоченный из досок столик. Начальник штаба капитан Храмченко докладывает:

— Вчера бомбили автоколонну на Минском шоссе; сегодня должны вести глубокую разведку.

Он озабочен возросшей активностью немцев. Они, несомненно, вскрыли аэродром. Советуемся, как рассредоточить самолеты, улучшить маскировку.

Храмченко слишком осторожен с погодой. Она кажется ему совсем неблагоприятной для разведки.

— А «гансам» можно летать?!

— Мы ведь глубже ходим... — смущенно отвечает капитан.

Но выясняется, что он просто бережет моторесурсы. В полку случилось, что из одиночного разведывательного полета экипаж не возвращался. Наряжать на каждый участок надо пару или звено. Тогда ведомые, неся службу охраны, освобождают ведущего от наблюдения за воздухом.

— Помилуйте! — говорит Храмченко. — Целым звеном бродить в такую погоду?! Да тут и горячего не напасшься!

Мне хочется ответить капитану жесткой фразой. Открываю карту и настоятельно подтверждаю необходимость разведки в районе Н. Там гнездится прилетевшая с глубинного аэродрома

немецкая эскадра. Повидимому, она-то и царапает наши площадки. Ночью она должна быть разгромлена. Выслушав приказ, Храмченко стал хлопотать с вылетом.

Как странно, что этот толковый и смелый командир не видит в разведке настоящего боевого дела. Конечно, сбить вражеский самолет или удачно положить серию бомб — это больше волнует, выглядит куда эффектнее. Работа разведчика иная. Незаметно проскользнуть к врагу, пренебрегая опасностью, раскрыть его планы. А потом сухим, наполненным цифрами донесением предрешить исход крупной операции, может быть, и не подозревая об этом. Большая, почетная работа!

«ПЕ-2», широко расставив двухкилевые хвосты, взвихривая снег, пошли на взлет. Быстро собрались в крепкое звено, легли на западный курс. К вечеру генерал получит нужное донесение!..

— Заправил своим, советским, — довольным голосом сообщает мне Соколов, стаскивая с мотора чехол.

— Прекрасно! А мы пищу будем принимать в другом месте, — говорю я Щужину, застегивая комбинезон.

Летчик понимающе кивает головой и дает газ.

...Идем дальше. Мысленно охватываю впечатления дня. Намеченная операция должна пройти успешно. И эти два аэродрома, о которых беспокоился генерал, скажут в ней свое веское слово.

Видимость улучшилась. Курс лежит совсем

близко к фронту. Соколов, закрывая лицо перчаткой, беспрестанно ворочается в кабине: он насто-роже. Но горизонт чист. Нас обгоняют свои, зна-комые до мельчайших черточек боевые самолеты. Операция началась! Вот идет девятка длинноно-рых скоростных бомбардировщиков. Их цель — крупная железнодорожная станция. По ровному снегу скользят тени штурмовиков. Через десять—пятнадцать минут они выскочат на изгиб шоссе, к мосту. Здесь они ударят в голову немецкой ко-лонны, а потом, когда машины сгрудятся табо-ром, налетят на них еще и еще раз. Над нами и там, ближе к фронту, кружат патрули истребите-лей. Мы салютуем друг другу глубокими ере-нами.

Вдруг Щукин резко владет машину в глубокий вираж. Из-под снега торчит крыло самолета. По всем признакам, это «МЕ-110». Он свалился набок, нелепо задрав правую плоскость. До нее, кажет-ся, можно достать рукой.

Как он был сбит: зениткой или истребителем? Да не все ли равно?! Главное — на нем не летать больше фашистскому пилоту. Отмечаем на карте это место и идем вверх по реке, густо засыпан-ной нетронутым белым снегом.

Февраль. Среда

Откровенно говоря, мы вчера проскочили эту площадку. Ничто не выдавало ее с воздуха. Глаз

тщетно разыскивал пятна, по которым узнаются аэродромы, натываясь на седые перелески, сугробы, наглухо заметенное снегом шоссе, спаленную деревушку... Опять перелески... Опять сугробы...

Где-то здесь должны сидеть истребители. Щукин «горкой» метров на пятьдесят поднял машину. Осмотрелись: все те же нехоженные снежные поля, та же безжизненная местность. Прошли вправо, влево, еще немного вперед, вернулись — пусто.

Неприятным холодком закралось сомнение: заблудились? Да нет же! Вот квадратная выемка леса. Вот обращенная к северу излучина реки. Здесь, только здесь!

Щукин, зажав ногами управление, внимательно разглядывает карту. Быстро, сшибая в кровь озябшие пальцы, закладывая в ракетницу сигнальный патрон. Легкий хлопок выстрела. Рассыпав тусклые искорки, цветная ракета пропадает за хвостом самолета. Внизу, на нетронутой белизне снега, ответно вспыхивают черные язычки маленького посадочного «Т». Укоризненно качая головой, Щукин кладет машину набок. Круто скользим и садимся около закутанной в белый халат фигуры стартера.

На рулежке скорее угадываю, чем вижу, прочно запрятанные в кустарник белые самолеты, бензо-заправщик, маслогрейку. У сугроба — да это совсем не сугроб, а рация! — чье-то знакомое лицо. Расстегнутый, без пояса комбинезон; меховой

шлем с поднятыми крыльями, порывистые движения. Батюшки, да ведь это Брык! Старый коллега по Дальнему Востоку.

Мы обнимаемся. Брык тут же торопит:

— Давай, прячь машину... Туда, в ельник...

Он чуть постарел. Появились морщины вокруг быстрых, пытливых глаз.

— Брык, тебя вторым орденом наградили. Знаешь?

— Читал...

Вдали глухо гроыхнуло несколько разрывов.

— Бомбят Кротово, — всполошился Брык и, размахивая руками, побежал к кустам.

Оттуда слышались резкие, всхлипывающие звуки прогреваемых моторов. Брык остановился посреди площадки и, сняв шлем, взглянул вверх. Под облаками барражировало звено его эскадрильи. Подумав, он энергично взмахнул шлемом. Из кустов выдвинулись три приземистых «лагга». Гулко взбурлив моторами, они пошли в небо.

Брык вовремя поднял их. Крадучись, с юга к соседнему аэродрому подходили пять «МЕ-110». Завязался воздушный бой. Патрулирующие «лагги» насыпались на немцев сверху. Снизу, под хвосты «мессершмиттов», зашли только что взлетевшие истребители. А сам аэродром заговорил зенитными пулеметами.

В кустарнике снова вскипел звук запускаемых моторов. Брык, вытянув руку со шлемом, как бы придерживал готовых сорваться с места летчиков.

Пританцовывая на центре площадки, он следил за боем, чтобы в нужный момент вмешаться в него своим резервом.

Не выдержав огневой встречи, «мессершмитты» рассыпались. Трое, взяв разные курсы, юркнули в облака. Двое, плотно прижавшись к земле, на полном газу прошли мимо нас. За ними погнался яростный «лагг».

— Догони, догони! — размахивая бидоном, кричал Соколов.

Но плотные, густые сумерки заставили прекратить преследование. Широко расставив шасси, «лагги» заходили на посадку и, приземлившись, быстро заруливали в кусты.

— Летать начали, когда эта полоска была шириной в полсотни шагов, — гордясь точными посадками, сказал Брык.

За несколько суток летчики создали на снежной целине искусно замаскированный, годный для колесных шасси аэродром. Немцы, ежедневно рыская по небу, до сих пор не обнаружили площадки.

...Ночью в бревенчатой русской избе, при тусклом свете керосиновой лампочки мы с командиром полка подполковником Ярославцевым размечали завтрашний боевой день.

Высокий черноволосый начальник штаба полка майор Гнездилов аккуратно наносил на карту разорванные восьмерки — условный знак воздушного патруля, — подсчитывал время полета до на-

меченных целей, составлял график штурмовок. Время от времени прислушиваясь, мы выходили на крыльцо. В плотной темноте, под низко опустившейся облачностью, ворчали моторы. Уловив знакомые тона, мы говорили друг другу: «Свой» — и возвращались к работе.

Я знаю этот полк давно. Еще осенью родилась слава его истребителей. В полку никогда не было недостатка в храбрецах. Летчики поднимались в бой по семь—десять раз на день. С любой, самой незавидной площадки, в любую погоду.

Сегодня мне бросилась в глаза еще одна черта. Она сквозила в безукоризненной маскировке, в командах Брыка, в работе над завтрашней операцией — во всем, чем живет и дышит полк. Он окреп и возмужал. Люди стали хитрее и деловитее. Полк вырос тактически, стал подлинной грозой для немцев.

...К утру, подложив под головы комбинезоны, мы причастились на деревянных скамьях. Перед тем, как заснуть, мне вспомнился один бой, разыгравшийся в самом начале войны.

Вместо нынешних «лаггов» эскадрилья в то время летала на кургузых, похожих на сжатый кулак истребителях. Вместе с зенитчиками она охраняла железнодорожную станцию. Бой начался на рассвете. Солнце еще совсем крохотной красной горбушкой показалось из-за бугра. Пока летчики, разложив кожанки на траве, доканчивали завтрак, комэск озабоченно ходил по площадке.

Ночью прошел сильный дождь. Размокшая почва легко поддавалась нажиму ноги — что же будет при посадке самолетов?

— Идут! — всполошенно крикнул наблюдатель.

На горизонте четко вырисовывались контуры «юнкерсов».

— Все в воздух! — гаркнул комэск.

Бой был стремительным. На первой же минуте, коптя густым, коричневым дымом, рухнул немецкий флагман. Кое-кто из ведомых хотел улизнуть за облака. Оттуда частыми очередями их выгоняло нарочно поднявшееся выше звено. Четыре костра из обломков оставили фашисты на подступах к станции.

Командир, собрав эскадрилью, построил ее в пеленг и гордым бреющим полетом прошел над бойцами. Они бросали вверх пилотки и, потрясая винтовками, приветствовали летчиков. На раскисшее поле сажались долго, по-одному. Комэск, израсходовав все горючее, сел последним.

— Видали? — еще не остыв от полета, вызвал он зенитчиков к телефону.

— Воздух! С юга шесть «юнкерсов», — прервал разговор наблюдатель.

Ракета, изогнувшись красной дугой, упала в траву. Но по сигналу тревоги только две машины ушли в воздух: остальные стояли с пустыми баками.

Загромызали зенитки. Кусая губы, мы следили, как двое смельчаков свечами лезли вверх. Вырвав

из плотного строя одного «юнкерса», истребители с остановившимися винтами пошли вниз: горючее кончилось.

— Резервы!.. — укоризненно сказал тогда комэску старший командир, разбирая бой.

— Резервы, — упомянул вчера Брык в разговоре с лейтенантом.

Тот все обижался, что другим «дают летать, а его звено всегда на задворках...»

С утра полк приступил к боевым полетам. Пока Соколов разогревал мотор, я разговорился с командиром полка. Ярославцев, медленно прохаживаясь около рации, бросал отрывистые, незавершенные фразы. Время от времени он пытливым взглядом окидывал горизонт, небо, примерялся к высоте облачности, оглядывался, тут ли Брык, и снова возвращался к начатой мысли:

— Сколько пришлось повозиться с маскировкой! Народ упрявился: немцы, мол, зимой летать не умеют...

— В начале зимы они действительно свернулись, подполковник.

— Ну, да... потрепали осенью... Зимняя эксплуатация.. Только надо смотреть глубже. На тыловые аэродромы. Немцы там тренируются, готовят кадры. Собираются вернуть свое положение в воздухе. Видите? Опять шмыгают!..

Держа курс на запад, по горизонту крались два «мессершмитта». Люди быстро разбежались и

укрытия, паряд встал к зенитным пулеметам и пушкам.

— Брык, приготовиться! — приказал подполковник.

Немцы шли стороной, не замечая засады. Выждав, когда они подойдут к холмам, Брык выпустил из кустов пару «лаггов». Бреющим, как и было намечено, они пошли вслед за «мессершмиттами».

— Выследят, — подмигнул Ярославцев. — Брык даст им сегодня перцу.

Спустя десять минут радист принял короткое сообщение: истребители, выследив «в хвост» место посадки немецких самолетов, доносили координаты их аэродрома. У Брыка уже все было готово. Он сам повел два звена «лаггов» на цель. На линии фронта от их грозных теней немцы шарахались в стороны, вжимались в сугробы и промерзшие, покрытые инеем окопы. Но летчики берегли свои патроны и снаряды для более ~~важных~~ объектов.

Брык прекрасно знал местность ~~этой~~ пределы прижимаясь к земле, он вел звенья ~~своим~~ скрытым путем, проскальзывая по лощинам, плавно перескакивая через пригорки, идя ниже завурчаных снегом крон сосняка. Группа вынеслась к вражескому аэродрому из-за леса. Большую поляну накрест пересекала темная взлетная полоса. На ней в хвост друг другу стояли четыре «юн-

кэрсэ». Еще три машины осторожно заруливали к опушке леса. Над площадкой маячил похожий на осу «хеншоль».

Первый пушечный залп звеньев, перестроившись в пеленг, дали по опушке леса, где неясными очертаниями проступали силуэты самолетов. Взметнувшиеся вверх елки и сосны оголили стоянку фашистских машин. От них, темными точками растекаясь по снегу, бежали механики и пилоты. Теперь каждый «лагг» действовал самостоятельно. Яростно гудя моторами, они, изгибаясь в крутых боевых разворотах, обрушили на аэродром снопы зажигательных и бронебойных пуль. Еще раз снаряды. Еще пулеметные очереди. Кто-то, взмыв вверх, в упор пронзил снарядом «хеншеля», и тот, окутавшись голубым пламенем, рухнул в лес. Справа, с холма, вспыхивал красноватыми точками зенитный пулемет. Брык на ходу сликировал на него — и огоньки выстрелов погасли. Опушка леса горела. Четыре костра дымились на летном поле. Два уцелевших от выстрелов «юнкэрсэ» попали на поспешной рулежке в сугробы и, встав на них, задрали вверх хвосты с черной свастикой.

Брык покачал крыльями самолета. «Лагги» быстро пристроились в пеленг и, выпустив на последнем заходе оставшиеся патроны, ушли за лес. Сзади густой шапкой висел черный дым, вставали острые языки пламени. Над целью эскадрилья пробыла ровно три минуты, и, когда самолеты за-

рулили в кусты на своей площадке, бензиновые баки нужно было дополнить только на половину положенной нормы.

Февраль. Пятница

Вчера вечером я сел на эту площадку и сразу же приказал пилоту лететь на соседний аэродром. Первым мне бросился в глаза черный, с большими желтыми крестами на фюзеляже, наполовину зарывшийся в снег немецкий транспортный самолет. В стороне валялись обледенелые куски крыльев элеронов, целлулоидных колпаков. На рулях поворота сквозь прозрачную корку льда проступала черная свастика.

В уютных снеговых бастиончиках, возле кустарника, стояли наши легкие бомбардировщики. Сзади них курилась голубоватым дымком большая землянка. Кругом открытое со всех сторон поле. Вдалеке темнели постройки железнодорожной станции. Еще дальше торчали фермы вздыбленного взрывами моста.

...В сумерках самолеты взлетели. Они пересекут линию фронта и, часто меняя курс, разойдутся по своим целям. Вернувшись ночью, они сядут на другую, неизвестную фашистам площадку. Здесь, на ложном ночном аэродроме, остались лишь несколько бойцов во главе с бойким, задорным лейтенантом да металлическая громада «Ю-52».

Ночь медленно наползает на площадку. В цент-

ре поля тусклым мерцающим светом теплится несколько огоньков: бойцы выкладывают из фонарей подобие посадочного знака. Правее, за границей рабочей площадки, время от времени вспыхивает светлый луч небольшого прожектора. Слева еще несколько фонарей.

— Декорация готова, — критически оглядывая аэродром, говорит лейтенант.

Подумав, он отдает распоряжение прибавить пару фонарей на северном углу площадки: с воздуха она будут казаться оградительными огнями.

Насулившееся тучами небо не пропускает ни луны, ни звезд. Тихо. Только километрах в трех от нас, пробивая трудный, заснеженный путь, пыhtят грузовики с боеприпасами, продовольствием, табаком.

Спускаемся в землянку. В камельке вкусно потрескивают березовые поленца. Дышит паром большой медный чайник. На столике из смолистых горбылей телефон, карта, книжка для записи распоряжений. Лейтенант отмечает время начала вахты, и мы начинаем ждать. Как рыбаки: не клюнет ли хорошая, жирная щука на нашу удочку? Клюнет! Вопрос лишь во времени.

Наверху остался наблюдатель. Связь с ним — голосом, по деревянной трубе.

— Семенчук! — зовет лейтенант.

— Семенчук здесь, — приглушенно отвечает боец.

— Тихо?

— Тихо, товарищ лейтенант. На юге прошел наш самолет.

Лейтенант прикуривает цыгарку от выпавшего из печурки уголька. Его круглое, простецкое лицо слегка розовеет. Ему двадцать один год. Войну начал совсем необстрелянным командиром. А родом он с Мелитопольщины, из знаменитого фруктами села со странным названием — «Терпенье».

Мне довелось бывать в этом селе во время войны. Стоял сентябрь. Немцы форсировали Днепр. Мы дрались с ними под Запорожьем. Их танки подходили к заповеднику Аскания Нова. Мы ночевали в хате у одного колхозника. В пышном саду гнулись деревья от лиловых слив величиной с кулак. За ужином хозяйка потчевала нас черешневым компотом. До первых петухов шел душевный разговор о войне, о том, что наша в конце концов возьмет.

По другую сторону камелька расположились бойцы. Они поочередно выходят наружу, подменяя друг друга на наблюдательном посту. Ночь стоит морозная — лучше сменяться почаще. Среди них идет разговор о немцах. Приземистый сержант, наднях побывавший в соседнем селе, рассказывает:

— ...звали ее Надеждой Федоровной. Фельдшерница. Ну, пришли они, стали располагаться в избах. Очистили все село. Поубивали, поранили нескольких. Собрала она, значит, свое медицинское

и пошла по овинам. Делает перевязки. Тут ее солдаты-то и поймали. Привели к офицеру...

— Слышу шум мотора! — прервал сержанта голос наблюдателя.

Лейтенант, нахлобучив шапку, выскочил наружу. Телефонист на всякий случай прикрутил лампу, хотя единственное в землянке оконце было плотно занавешено мешком. Все замолчали, настороженно вслушиваясь в тишину.

— Свои... «ТБ-3»... — шумно хлопнув дверь, успокоил Гарькавенко.

— ...да, офицер посмотрел на нее, — продолжал сержант, — да как гаркнет: «Сдать медицинское!» А она, герой-баба, ни в какую... «Не имеете, — говорит, — права... По всем, — говорит, — международным законам врачи и медицинское имущество неприкосновенны». Ну, тут пошел обычный фашистский разговор. Надежду Федоровну эту, несмотря на то что она женщина, избили до бессознания и на снег выкинули. А утром докончили из автоматов...

Все молчали. Подкинув свежих поленьев в топку, курносый в сдвинутой набок ушанке спросил:

— Запугать они нас хотят этим, что ли?

Ему никто не ответил. А когда жарко вспыхнувшая березовая кора обуглилась и огонь стал спокойно лизать древесину, чей-то голос произнес:

— Вот теперь они сызнова авиацией думают

пугать. Поставили самолеты на салазки и летают...

— Семенчук, не на салазки, а на лыжи, — убо-риженно поправил лейтенант.

...Около полудня наблюдатель бросил тревож-ное слово:

— Идут!

— Проектору подсветить, — на ходу приказал лейтенант.

Мы вместе выбежали наверх. В плотной темно-те мелко светились фонари. С запада нарастал противный, ноющий звук немецкого мотора.

— «Юнкерс», — решил я.

Справа пронзил небо острый луч прожектора. Рассеявшись по облакам, он упал на землю, не-сколько раз лизнув корпус застывшего «Ю-52». Мотор внезапно затих. Потом нытье его послыша-лось с другой стороны, но уже тихое, удаляю-щееся.

— Ключуло, — засмеялся лейтенант. — Теперь придут в гости.

Немецкий разведчик ушел. Тогда в нескольких километрах от нас мелькнули огоньки, показался молочный свет большого прожектора: на настоя-щем аэродроме садились вернувшиеся с боевого задания наши корабли.

Мы снова спускаемся в землянку. Лейтенант записывает посещение фашиста в журнал. Вы-курив еще по одной цыгарке, плотно застегнув-шись и натянув на руки перчатки, выходим на-

верх. И как раз вовремя. С прежнего направления, видимо держась дороги, шло несколько самолетов. Характерный звук моторов нарастал все сильнее.

— Подсветить! — крикнул Гарькавенко, и в облака снова врезался луч прожектора.

— Погасить! — скомандовал лейтенант.

..Моторы немцев гудели над нашими головами.

— Сейчас пойдут, — прошептал Гарькавенко, оттаскивая меня за рукав к щели.

Сверху засвистело. Это шли бомбы. Глухо ударив о землю и на мгновение вспыхнув ярким красным пламенем, они легли одна за другой возле северного куста фонарей.

Опять засвистело. Теперь звук, казалось, шел прямо на нас. Плотнее прижавшись к снежным стенкам щели, мы глубоко вобрали головы в плечи. Серия легких осколочных бомб рвалась с острым визгом. Ближние фонари погасли.

Приглушив моторы, немцы ушли на запад. В чистом морозном воздухе терпко запахло порохом, гарью и тем особым запахом, которым отдает металл, остывающий после большого накала.

— Сержант Манухин, — позвал лейтенант, — замените три фонаря возле кустов. Да быстрее обратно! Они снова придут.

Грея над камельком озявшие руки, лейтенант продиктовал донесение:

— Два «юнкерса» бомбили площадку. Сброшено

шесть фугасных и десять осколочных. Жертв нет. Ожидаю второй эшелон.

...Через час налет повторился. Теперь в сериях были и зажигательные бомбы. Шипя и плавя снег, они озаряли площадку. Желтоватые блики пламени отражались на темном фюзеляже «Ю-52».

В третьем налете немцы обнаглели. Снизившись до полусотни метров, один самолет дважды прошелся над аэродромом, старательно строча из пулеметов. Он метил по фонарям. Это был «ME-110» — многоцелевой фашистский самолет.

В перерывах между налетами немцев вдаль вспыхивали огоньки, светил прожектор. Там спокойно взлетали и садились наши бомбардировщики, заканчивая начатую несколько дней назад большую воздушную операцию. Ложный ночной аэродром лейтенанта Гарькавенко, приняв на себя все плевки фашистов, обеспечивал наши боевые полеты.

...Утром мы пошли посмотреть на воронки. Ими был перерыт весь северный угол аэродрома. Несколько бомб упало подле «Ю-52». Четыре осколка пробили большие дыры в его покосившихся крыльях.

— Гады, семь фонарей испортили! — ворчал Семенчук, подбирая на снегу остатки разбитых «летучих мышей».

Далеко от линии фронта на западном листе карты выделялся жирный кружок. Касаясь причудливого изгиба реки, он охватил несколько деревень, кусок коричневого шоссе и часть лесного массива.

— Здесь, — лаконично показал генерал и острым карандашом поставил в кружке красную точку.

Через час я подъехал к аэродрому. За дальний край взлетной площадки величаво закатывалось багровое, задернутое зимней дымкой солнце. На прозрачном, неощутимом небе зажглась первая звезда. Дым маслогреек тянется к ней ровными, словно выточенными, столбиками. Стоит сухой морозный штиль.

Около массивных четырехмоторных кораблей снуют люди. Подле каждой машины горки длинных защитного цвета грузовых мешков. Ящики, стопки газет и листовок. В воздухе стоит ровное, уверенное гуденье прогреваемых моторов. Сумерки быстро окружают аэродром. Уже видны рвущиеся из глушителей язычки голубоватого пламени. Стартовый снаряд пробует прожектор. С центра поля взвивается сигнальная ракета и, опадая зеленым дождем, затухает в снегу. Люди готовятся к длинной боевой ночи.

Экипажи, полностью готовые к вылету, собрались в тесной комнатке командного пункта. Ставлю задачу:

— Идем с боевыми грузами к нашим войскам,

рейдирующим во вражеском тылу. Им нужны снаряды, патроны, гранаты и медикаменты. Сбрасывать грузы будем здесь...

Летчики склоняются над планшетами. Маршрут черной ломаной линией ложится на карты. Штурманы наизусть заучивают места световых маяков, сигналы.

По хрусткому снегу расходимся к кораблям. Я иду на ведущей машине отряда. Летчик — старший лейтенант Бобин, нет топлива, по-хозяйски устраивается на своем высоком сиденье. Мы с капитаном Петиним хлопочем в штурманской рубке.

— Экипаж на местах, — докладывает борттехник.

— К запуску!

Шипит сжатый воздух. Медленно, словно нехотя, проворачиваются винты. Затем с характерным чавканьем один за другим вступают в работу моторы. Темно. Свет из патрубков дрожащими отблесками проникает в рубку. Наощупь раскладываю на полу планшеты, карты, ракеты. Петин, осторожно ступая, чтобы не нарушить порядка, перелезает через меня к турели. Ровный гул мотора прорезают пулеметные очереди — контрольная проба оружия.

— Готовы? — кричит Бобин.

— Готовы!

Тяжело нагруженная машина долго бежит по снегу в ночь. Отрываемся от земли и виснем в воздухе. Петин щелкает кнопкой секундомера. Полет начался.

Моноotonно гудят моторы. Серебристо светится крошечная лампочка на компасе. Бобин удивительно плавно ведет корабль — стрелка курса не щелкнется. Внизу темносерым, трудночитаемым плавом лежит земля. Скоро фронт. Уже видны далекие всполохи артиллерийской стрельбы.

— Оденемся? — жестом предлагает Петин.

Мы набрасываем на плечи парашютные лямки, помогаем друг другу застегнуть карабины. Ложимся на пол рубки. Так удобнее ориентироваться. Петин заботливо прикрывает перчаткой компасную лампочку. В кабине совсем темно.

Фронт. Мы видим его по плывущим под снегом ракетам. Они выхватывают из темноты большие овалы полей, озаряя их дрожащим, неверным светом. С левого борта острыми языками вспыхивают батарейные очереди. Над черным квадратом леса протягивается голубой пунктир трассирующих пуль.

Петин толкает меня ногой. Справа на одной высоте с нами повисли багровые расплывающиеся шары.

— Зенитка!

Бобин слегка отворачивает машину. Потом снова берет прежний курс. Теперь мы идем над немцами. Пробираюсь на открытый мостик пилотской кабины. Лицо обжигает тридцатиградусным ветром. За могучим хвостом корабля, в черном воздухе, чуть поблескивают выхлопы моторов второй и третьей машин отряда. Они идут за нами, как

привязанные. Бобин близко придвигает ко мне закрытое маской лицо:

— Скоро?..

Я показываю на светящийся циферблат часов; сняв перчатку, веду пальцем до нужной зарубки. Бобин, утвердительно качнув головой, застывает в напряженной позе. Вытянутые вперед руки легли на штурвал, голова чуть откинута на спинку сиденья, глаза косят на приборную доску.

Идем над немцами. В просветах облаков тускло мерцают далекие звезды. Под крылом стынет таинственная молчаливая земля.

— Притаились... — кричит мне на ухо Петин, широким жестом показывая вниз.

Вчера в штабе наши слухачи перехватили немецкое радио. Какой-то полковник, фон Бугель или Кугель, обеспокоенный рейсами наших транспортных самолетов, приказывал: «Войскам стрельбы не открывать. Привлекать внимание советских экипажей световыми сигналами. Солдаты должны стремиться перехватить и использовать для себя сбрасываемые грузы». Хитрый полковник!

Слева, в стороне от горящей деревни, появились какие-то огоньки. Прильнув к целлулоидному фонарю рубки, пристально всматриваемся в них. Они выложены в виде квадрата.

— Подманивают, — озабоченно бубнит Петин.

Строго под кораблем едва видна тонкая, тонкая линия. Рокадная железная дорога. Бобин осторожно, чтобы не потерялись ведомые, разворачи-

вает самолет. Последний излом маршрута. В конце его — наша цель.

Внизу все больше и больше огней. Тускло светятся костры, мелко вспыхивают какие-то сигналы, грудой рассыпанных на снег углей горят деревни. Чертовски трудно найти тут наших!

Целлулоид мутен. Мы буквально тычемся в него носами, до боли в глазах всматриваясь в огни. Еще раз сверяемся с картой. Вот и он — наш сигнал!

На серой круглой поляне тепло мерцают маленькие костры, разложенные определенной фигурой. Торопливо советуемся с Петинным — здесь ли? Снова выскакиваю на мостик. Бобин входит в круг. Мощное крыло, теряясь консолью в темноте, словно разрезает пополам выложенный на земле знак. Еще раз за карту. Еще раз оглядываем раскинутые до темного горизонта огни.

— Здесь!

Газ убран. Спиралим вниз. Все жарче и жарче горят костры. Серебристая стрелка высотомера движется к нулю.

— Приготовиться! — резким голосом кричит Петин борттехнику.

В красноватых отблесках костров видны темные фигурки людей. Неприятным холодком возникает сомнение — вдруг не наши? Быстрый решающий все взгляд вокруг.

— Пошел! — взмахиваю рукой.

— Пошел! — командует Петин.

Борттехники освобождают крепление, и первая партия грузовых мешков отрывается от корабля.

Бобин дает газ. Ровно забрав, моторы несут машину по прямой метрах в ста от земли. Спустя несколько минут, неслышно возникшая в темноте, от опушки большого леса навстречу нам протягиваются пунктиры пулеметных очередей.

— Заговорили, гады! — взволнованно кричит Петин.

Машину нельзя разворачивать круто — сзади нас идет целый отряд. Бобин все же дает крен, чтобы миновать опасное место. По нас бьют теперь из четырех точек; светлые линии трассирующих пуль, перекрещиваясь друг с другом, проходят совсем близко от крыла и, словно обессилев, гаснут где-то в небе.

Второй заход. Снова огонь из леса. Бобин насколько можно приподнял нос корабля — уходим с набором высоты.

— Все в порядке, — докладывает борттехник. Его лица в темноте не видно. Но по распахнутому комбинезону и прерывистому, тяжелому дыханию чувствуется, что экипаж здорово повозился с грузами.

Молчавшая прежде земля со всех сторон шлет нам «подарки».

Озлобленная немчура горстями бросает нам вслед голубые пули, ракеты, оранжевые шары зениток. До самого фронта сопровождает корабли этот опасный фейерверк.

..Поздней ночью весь отряд ужинает в летной столовой. Как вкусна хрустящая на зубах, мастерски поджаренная картошка! Горячий чай обжигает горло. Грея о стаканы озябшие руки, делимся впечатлениями. Круглолицый Бобин любит плотно покушать. Неторопливыми, как и на корабле, движениями он расправляется со второй порцией котлет. Ко мне подходит знакомый командир.

— Ну как, подполковник, — интересуется он, — нашли?

— Нашли...

— Смотри, не было бы ошибки, — лукаво улыбается он.

Подсев к нашему столику, он рассказывает, как наднях немцы задумали доставить осажденному на соседнем участке фронта гарнизону теплое обмундирование. Транспортные «юнkersы» сбросили на парашютах около двух тысяч пар эрзацваленков. Вся партия опустилась на нашей территории.

— Валенки оставили для музея, а парашюты бойцы разобрали на тряпки.

Все засмеялись. Мы с Петиним встретились глазами.

«Как, — тревожно спрашивал меня взгляд капитана, — мы не оскандалили?»

Утром от наших войск из немецкого тыла была принята кодограмма. Невольно волнуясь, мы рас-

шифровали трехзначные цифровые группы. Из них составила короткая фраза:

«Боеприпасы получены. Благодарим. Генерал Б.».

Февраль. Понедельник

Как и обычно, на рассвете, зябко пряча подбородки в меховые воротники комбинезонов, мы полетели в то место, которое на карте обозначено акуратным красным кружочком. Внизу обычная для глаза картина разрушений, учиненных немцами. Слева высятся насквозь продырявленные артиллерийскими снарядами трубы завода. Щукин проводит машину между ними. Близость фронта узнается не только по развороченным взрывами и выжженным селениям. На снегу змейками вьются окопы, убежища. Едва заметными бугорками вспухают блиндажи и землянки. По выкопанным в снегу дорогам медленно ползут грузовики, проходят группы бойцов. С правого борта, за лесом, вспыхивают оружейные выстрелы.

Вокруг отмеченного генералом места на карте чернеют три крупных села. По расчету времени, мы должны быть около них. Ищу глазами основной пункт — с церковью и разветвлением дорог. Вместо домов и улиц внизу сиротливо торчат печные трубы, темнеют остатки усадебных заборчиков: села сожжены немцами.

Пройдя широким кругом, готовимся к посадке. Мы оба знаем: поле минировано. Немцы не могли оставить свой аэродром без какой-либо каверзы. Наш расчет обращен на то, чтобы приземлиться не на накатанный участок летного поля, а рядом, вдоль проложенной кем-то лыжни. Боковым ветром нас сносит в сторону. Сожалееще гудя мотором, Щукин ведет машину на второй круг, разворачиваясь над самой землей. Из сугробов высовываются концы крыльев с желтыми крестами на консолях, обломки, разный самолетный хлам.

Наконец с вполне понятным легким замиранием сердца садимся. Машина, утопая лыжами в пухлом снегу, мягко скользит несколько секунд и останавливается. Пронесло!

Вылезаем из кабин, оглядываемся. С опушки леса нам машет руками человек.

— Надо рулить правее, — определяет его сигналы Щукин.

Теперь мы оба видим узенькую полоску, обозначенную воткнутыми в снег веточками ельника. Саперы уже прошлись здесь с миноискателями и поставили свои вехи.

Рулим к лесу и сразу заводим самолет под деревья. Около небольшого костра несколько бойцов. Облокотившись на пустую бочку из-под бензина, греем руки. Дым едко пышет в лицо, поднимается в небо заметной струйкой. Это не годится. Площадку надо занять истребителями так, чтобы

немцы остались в полном неведении. А случись сейчас попутному разведчику ненароком посмотреть вниз — увидит дымок, движение — сразу определит, что мы хотим освоить эту площадку.

— Загасить костер! — приказывает батальонный комиссар Rogoznikov.

Он приехал двумя часами раньше. Его полк перелетит завтра утром с ледового аэродрома на Кривом озере.

Вместе отправляемся на осмотр местности. В кустах валяются злобно прорубленные и простреленные фашистами бочки для горючего. На них марки самых различных фирм — немецких, бельгийских, французских, австрийских. Rogoznikov ударяет ногой по измазанному краской днищу.

— Доят отовсюду, — говорит он.

Звук гулко разносится в молчаливом лесу. С ближней елки мелкой пылью осыпаются снежинки.

Идем дальше. Штабеля ящиков с бомбами. Стального цвета корпуса бомб холодны и утрюмы; на стабилизаторах немецкие буквы и непременная, выбитая специальным клеймом свастика. Их много — этих бомб, — разных калибров и веса. Сначала считаем ящики. Потом это надоедает. Переходим на десятки ящиков. Но чем дальше в лес, тем больше этих аккуратно выложенных штабелей. Кое-где предупредительной рукой неизвестного сапера остерегающие, лаконичные надписи: «Мины».

На опушке леса обломки самолетов. По кускам крыльев и обгорелым, исковерканным фюзеляжам определяем типы. Перед нами остатки двухвостого, горбатого, с квадратной пилотской рубкой «Фокке-Вульфа». Один хвост его отбросило метров на двадцать пять в сторону. Куски металла остро впились в седую кору многолетних, порыжевших от старости елей. Вся южная опушка леса заполнена одномоторными «юнкерсами-87». Оставляя аэродром, немцы в каждый пикировщик отряда заложили по mine. Взрывом мотор отбрасывало вперед, фюзеляж разламывался пополам, отскакивали крылья. Слева «ХЕ-111» — универсальный немецкий бомбардировщик. Один мотор почти цел. Другой, с изуродованными картером и цилиндрами, вывалился из своего гнезда. Слово серебро блистает гладко выточенная поверхность обнаженных поршней. Это «Даймлер-Бенц»: его немцы устанавливают и на истребителях. Дальше, на самом краю леса, нелепо подогнув под себя левое крыло, лежит «горбатый чорт». Так на всех фронтах зовется бойцами фашистский разведчик «ХШ-126». Мы постукиваем пальцами по бронированной спинке кабины, осматриваем приборы. Нет ничего особенного в этом «горбаче». Машина как машина. Вдали запорошенные снегом лохмотья нескольких «мессершмиттов». Их, видимо, подбили при нашем ударе с воздуха по этому аэродрому.

Местные стариканы правы: здесь действительно когда-то была крупная база фашистов. Обломки принадлежат к трем разным эскадрам. А по штату, в каждой эскадре у немцев около сотни самолетов. Даже если они были укомплектованы наполовину, и то здесь могло скапливаться около полуторы сотни машин.

Теперь мы обходим землянки. До чего противное зрелище! Грязь, отбросы, испражнения. Хорошо, что стоит сильный мороз и нет зловонного запаха. Как они могли жить в такой грязи? Вот она — обратная сторона хваленной немецкой культуры!

Вдали монотонно погромыхивают орудия. Фронт близко. Надо спешить с переброской истребительного полка. За оставшиеся светлые часы дня и за ночь надо успеть окончательно разминировать летное поле, прогладить его катками, оборудовать стоянки самолетов, выбрать место для хранения запасов горючего и боевых комплектов к пулеметам и пушкам, устроить жилище для летчиков, кухню, лазарет... Да разве можно сразу пересчитать все нужное для обеспечения с первых же минут прилета машин их бесперебойной работы!

Утвердив план комиссара по размещению материальной части, принципам маскировки, противоздушной и наземной обороны, собираюсь улетать. Вдали уже видны подходящие к площадке автомашины с грузом, тракторы и огромный, об-

шитый деревом каток: перебазирование начинаст-ся.

Мы со Щукиным запускаем мотор вручную, са-ми. Он остыл, приходится подолгу ставить винт на компрессию и сильным рывком приводить порш-ни в движение. Возле самолета неведомо отку-да появляются два мальчонка. В зипунах, в за-ткнутых соломой валенках. Подзываю одного из них:

— Как зовут?

— Виктор.

— Откуда?

— С той деревни.

— Родные здесь?

— Нет... Папаня на фронте... Мамку немцы убили...

— Один, значит?

— Один.

— Когда маму убили?

— А как уходить им, так и убили.

— А ты где был?

— В-сараяе... Они меня палками пороли.

— За что?

— А я ихних лошадей не поил..

— Работал у них?

— Не... Они хотели, чтоб работал, а я не рабо-тал.

— Сколько тебе годков-то, Витя? В школу хо-дил?

— Одиннадцать... А школу они сожгли...

Где же теперь живешь?

— А в деревне, у тетки...

Виктор угрюм. В тесно сжатых губах видна недетская решимость. Серые глаза смотрят серьезно, но сквозь затаенное в них горе нет-нет и мелькнет свойственная возрасту наивная непосредственность. Он трогает рукой крыло самолета и гордо смотрит на товарища:

— Петька, какая гладкая!..

Потом Виктор снимает дырявое пальтишко и, задирая рубашонку, показывает следы побоев. На худеньком, истощенном тельце мальчика синие и багровые рубцы. Ими исполосована вся спина и грудь паренька.

Щукин молча смотрит на Виктора и, хмыкнув что-то непонятное про себя, медленными движениями снимает с шеи широкий летный шарф. Больше у него нет ничего подходящего, чтобы пожертвовать больше чем надо натерпевшемуся горя деревенскому мальчику. Виктор не хочет брать подарка. Почти силком нам приходится вакутировать его в этот шарф. Словно отец, Щукин заботливо запикивает концы шарфа под пальтишко и, с грубоватой нежностью похлопав Виктора по плечу, лезет в свою кабину.

Мотор запущен. Прощаясь, ребята важно подают мне руки. Я показываю им, как дернуть за крыло, чтобы помочь стронуть машину с места: лыжи немного примерзли к снегу, — и тоже забираюсь в самолет.

Взлетев, на развороте мы смотрим вниз. Выбрав на опушку леса, мальчишки машут нам руками. Отсалютовав им глубокими кренами, Щукин берет курс южнее, на вторую площадку. Туда мы должны поспеть не позднее четырнадцати ноль-ноль.

Март.

Вчера вечером в разведывательном полку были готовы фотосхемы оборонительного рубежа немцев против нашего правого фланга. Его снимал экипаж летчика Зиброва. Один из славных экипажей разведчиков полка Тюрина — моего старого сослуживца по Дальнему Востоку.

Снимки я привез в штаб почти затемно. С лупами в руках мы разбирались в сплетениях окопов, ходов сообщения, узлов из огневых точек, проволочных заграждений. На отдельных кусках картона были смонтированы три фашистских аэродрома. Серый фон фотобумаги был испещрен мелкими точечками: это стояли немецкие «юнкерсы» и «хейнкели», бензозаправщики, лежали бочки с горючим, ходил технический состав. По аэродромам ударили ночью наши дальние бомбардировщики. Оборонительный рубеж за ночь перекопировали на карту крупного масштаба, и с нею я лечу сейчас на командный пункт одной армии. Взлетаем. Какой чудесный день! Классическая

русская зима. Последний мартовский мороз, искристое солнце, голубое, до синевы голубое небо. Мы летим, непрерывно оглядываясь во все стороны. В такую погоду следует ежеминутно ожидать нападения немецких истребителей. За последние дни среди них появились своеобразные «охотники». Они пролетают парой линию фронта, углубляются на нашу территорию километров на полсотни и здесь подкарауливают таких одиночек, как наш легкий связной самолет. Немцы — любители нетрудных побед. Если зазеваться, то в списки сбитых фашистскими «ассами» машин может войти и наш верный, тихоходный «У-2».

Э! А не из этих ли самых «ассов» вон те семь «мессершмиттов»? Справа и выше нас идет воздушный бой. Поблескивая на солнце голубой подкладкой крыльев, в немыслимой карусели крутятся самолеты. Сколько там наших? Один, два, три... Вон четвертый... Вон пятый пикирует сверху. Как он здорово садит из пулеметов! Так, есть один, есть!.. Сверкнув языком пламени, пошел вниз один немец, пошел, пошел!

Мы со Щукиным отвлекаемся от ориентировки и наблюдения за воздухом. Так не годится. Исправляем курс, берем южнее — карусель боя остается за хвостом. Все равно мы своим «У-2» не поможем нашим «якам», да они справятся и без нас. Одного уже свалили, свалят и еще нескольких, а кто уцелеет, — постарается уйти восвояси. Знаем мы этих немецких «ассов»! Они молодцы

только против «У-2» да «Р-5». А наших истребителей бояться и, если вступают в бой, то только при явном превосходстве в силах.

Щукин слегка раскачивает машину. В чем дело? Мы подходим к деревушке, где должен быть расположен штаб нашей армии. На белом снегу возле домов пятна копоти, воронки. Где садиться? Вот та небольшая полянка между деревней и лесочком. С хода разворачиваемся и садимся в пухлый снег. Лыжи тонут в нем — рулить трудно. Задеваем крылом за сугроб, чуть не проваливаем машину в какую-то яму. Приходится вылезать из кабинки. Снег по грудь. С трудом передвигаясь в нем, как в воде, подбираюсь к плоскости, помогаю развернуть машину и огромным напряжением мускулов успеваю вскочить на крыло. Рулим к сарайчику. За шумом мотора не слышна поднимающаяся вокруг зенитная стрельба. Видны кудрявые, быстро расплывающиеся в синеве неба кулачки разрывов. Воздушная тревога!

Не выключая мотора, соскакиваем с самолета и ложимся в ближний сугроб. Нам видно, как, широким кольцом опоясав деревню на высоте примерно в полторы тысячи метров, заходят на пикирование немецкие «юнкерсы». Их десять. Со знакомым свистом летят бомбы. Вот одна ложится на нашу полянку, взметывает вверх снег, он мелкой пылью оседает на нас. Только бы не повредило наш «У-2»!

Семь минут стоит над деревней сумасшедший

грохот стрельбы и разрывов, смешанный с завыванием немецких моторов. Потом внезапно наступает звенящая тишина. Из лесу в двух местах поднимаются густые клубы коричневого дыма: это горят два подбитых зенитчиками «юнкерса». Хорошо! Звук моторов удалился к западу. В ноюще тона немецких машин вмешивается энергичный, уверенный в себе рокот наших «мигов». Они догонят немцев и навяжут им бой. Из десяти вернется на свой аэродром не восемь «юнкерсов», а несколько меньше.

Встревоженный дежурный встречает нас у сарая. По улице пробегают санитары с носилками. Отовсюду, из щелей и убежищ, появляются люди и, перепрыгивая через воронки, идут в избы, к автомобилям — каждый по своему, прерванному налетом делу.

— Какие потери? — спрашиваю я дежурного.

— Три человека ранено.. Да на том краю бомба попала в сарай. Сено загорелось, сейчас тушат.

Он просит нас улетать как можно быстрее. Наша скромная «У-2» демаскирует штаб. Кроме того оказывается, что генерал не здесь, а на командном пункте, поближе к передовым позициям. Он знает о пакете и приказал прилететь с ним прямо туда.

— Где это место?

— Вот тут... — тычет пальцем дежурный в мою карту. — Да там спросите, каждый покажет...

Сесть на площадку было легче, чем взлететь. Пушистый снег цепко тормозил нас на разбеге. Над лесом мы прошли, подорвав машину на минимальной скорости буквально впритирку. Ну, теперь надо глядеть в оба: фронт вплотную приблизился к нам. Минутный зевок — и мы можем очутиться над немцами. На такой высоте они подстрелят нас, как куропатку.

Ориентируемся. Дорога, наезженная раньше, потерялась в сугробах. Там, к западу, в нескольких километрах от нас, опять возникает ее темный след. Ее разрыв — фронтальная полоса. Полоса позиций обеих сторон и небольшого участка изрытой воронками «ничейной» земли. В кустарнике с трудом просматриваются батареи. Тяжелые орудия, высоко задрав к небу свои длинные стволы, смотрят на запад. Вон опушка фигурного леса — нам садиться надо возле нее. Переходим на бредущий, скрываемся от глаз с той стороны за деревьями и быстро приземляемся. Из снега торчат пни, какие-то бревна, всякий заснеженный хлам. Только бы не напороться на него лыжами!

Сквозь шум работающего на малом газу мотора слышны пулеметные очереди, гулкое уханье артиллерийских выстрелов. Над нами, со свистом разрезая воздух, пролетают тяжелые снаряды. Это фронт.

На нас, держа винтовки наготове, двинутся двое бойцов.

— Свои! — кричим им, подавая различные знаки.

Но бойцы не верят нам до тех пор, пока не сближаются с нами почти вплотную. Наконец, разгадав, видимо, наши настоящие русские лица, один из них спрашивает:

— Куда прилетели, товарищи?

— К генералу, на командный пункт..

Через несколько секунд все выясняется. Щукин с одним бойцом остается у самолета. Другой, младший сержант, ведет меня по узенькой тропочке через лес. Выйдя на опушку, мы спускаемся в неглубокий овражек, затем, пригибаясь, перебегаем по открытому месту и наконец добираемся до небольшого бугра. С восточной стороны в нем проделано нечто вроде ниши. Последняя проверка документов, опрос дежурного — и я докладываю командующему армией о пакете.

Генерал задерживает меня на пятнадцать минут. Я объясняю ему по карте систему вражеских укреплений, кое-что мы вместе рассматриваем в бинокль сквозь узкую щель, проделанную в западном скате холма. Там, на первый взгляд, нет ничего. Немцы искусно замаскировали свою оборонительную полосу. Но местами она обнажена метким артиллерийским огнем. Торчат из снега колья с порванной колючей проволокой, обваляясь и раскинув вокруг себя накатник, стоит разрушенный дзот, темнеют надолбы, видна полоска покрытого

снегом эскарпа. Потом, поблагодарив за данные и попросив заодно подбросить на командный пункт соседней армии его соображения по предстоящим действиям, генерал отпускает меня. На командном пункте у него не людно. Несколько телефонов, большая карта обстановки, около нее два командира. В уголке — посыльные. С одним из них я возвращаюсь к самолету.

Сейчас я замечаю, что справа и слева от нашего пути под снегом лежат трупы немецких солдат, валяются ранцы, каски, несколько винтовок.

— Наша первая дивизия их здесь много набила, — роняет мне сопровождающий.

Он в белых брюках и такой же белой, накинутой на плечи куртке. Под маскировочной одеждой теплый ватник, на поясе гранаты, за спиной винтовка.

— Они все за этот бугорок хотели зацепиться, — продолжает словоохотливый боец, — а тут приехал наш генерал, глянул на все и говорит: «К вечеру чтоб не было здесь ни одного фрица!» Ну, наши и ударили зараз из лесу, во фланг, значит.. К вечеру и закончили.. Ишь куда он побег сразу, аж на те высотки.. Да бают наши, мы его и отсюда вскорости погоним..

Чтобы точно выдержать нужное направление и не напороться на взлете на какую-нибудь чурбашку, мы со Щукиным расставляем бойцов на полянке в виде живых маяков. Но против ожида-

няя взлет происходит быстро и без повреждений. Берем курс к северу. Спустя несколько минут неожиданно замечаю: на правой плоскости ключьями рвется перкаль. В то же мгновение над нами, закрывая солнце, проносится тень самолета. «Мессершмитт»!

Сильным толчком ноги по педали заставляю Щукина развернуть машину, до предела прижаться к земле. Невольно сжавшись в своих кабинах, мы ждем повторной атаки. Немец, изогнувшись впереди нас в боевом развороте, теперь пикирует навстречу. Видны вспыхивающие на его хищных крыльях огоньки выстрелов. Машину сильно толкает. Теперь пули попали по фюзеляжу — пропорол гартрот и прошлись по хвостовому оперению. Перкаль рвется на руле поворота. Но тяги управления целы. «У-2» послушно скользит над землей, круто огибая опушку леса. Щукин ведет машину ниже опущенных снегом верхушек елей. «Мессершмитт» проносится еще раз над нами и пропадает где-то на стороне солнца. Ушли!

Ну вот и мы повстречались с одним из пресловутой сотни «ассов». Но что теперь делать? Перкаль рвется все больше, оголяя желтые, фигурно вырезанные нервюры. Идти на второй КП или свернуть на восток, к ближайшему аэродрому?

— Идем на КП, — решаю я и показываю направление полета.

Мы резко сбились с курса. Берусь за карту, ориентируюсь. Это чертовски трудно делать зи-

мой, на брешем, в незнакомом районе. Все перелески, деревушки и замерзшие речонки так похожи друг на друга. Но мы нашли назначенное генералом место. Я отдал дежурному его служебное письмо. Потом с помощью бойцов мы обкрутили веревками поврежденные места и с грехом пополам долетели до своей базы.

Затемно я возвратился в штаб. Серебряная луна вставала в просеке строевого сосняка. На небе зажигались звезды, тесно обступая ковш Большой Медведицы. Отогреваясь в оперативной комнате от пробравшего меня за день мороза, я заглянул в дневную сводку. В ней значилось, что на фронте к восемнадцать ноль-ноль было сбито двадцать два немецких самолета. Сто «ассов» будут хорошо помнить этот яркий мартовский день!

Февраль—март 1942,
Западный фронт.